

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 82. «И сбросить ношу я теперь не властна»

Выпуск № 397

Осип Мандельштам

Посох

Посох мой, моя свобода –
Сердцевина бытия,
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?

Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашёл;
Посох взял, развеселился
И в далёкий Рим пошёл.

А снега на чёрных пашнях
Не растают никогда,
И печаль моих домашних
Мне по-прежнему чужда.

Снег растает на утёсах,
Солнцем истины палим,
Прав народ, вручивший посох
Мне, увидевшему Рим!

1914, 1927

Марина Цветаева

И вот, навьючив на верблюжий горб,
На добрый – стопудовую заботу,
Отправимся – верблюды смирен и горд –
Справлять неисправимую работу.

Под тёмной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже,

Как господин и как Господь велел –
Нести свой крест по-божьи, по-верблюжьи.

И будут в зареве пустынных зорь
Горбы – болеть, купцы – гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?

Но, ни единым взглядом не моля,
Вперёд, вперёд, с сожженными губами,
Пока Обетованная земля
Большим горбом не встанет над горбами.

1917

Борис Пастернак

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свой шаг,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

И должен ни единой долькой
Не отступаться от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.

1956

Выпуск № 551

Мария Петровых

Зима установилась в марте
С морозами, с кипеньем вьюг,
В злорадном, яростном азарте
Бьёт ветер с севера на юг.

Ни признака весны, и сердце
Достигнет роковой черты
Во власти губительных инерций
Бесчувствия и немоты.

Кто речь вернёт глухонемому?
Слепому – кто покажет свет?
И как найти дорогу к дому,
Которого на свете нет?

1955

Лариса Миллер

Когда тону и падаю, не видя дня другого,
Хватаюсь за соломинку – за призрачное слово.
Шепчу слова, пишу слова то слитно, то отдельно,
Как будто всё, что названо, уже и не смертельно;
Как будто всё, обретшее словесное обличье,
Уже и не страдание, а сказочка и притча.

И я спасусь не манною, летящей легче пуха,
А тем, что несказанное поведать хватит духу.

1977

Лариса Патракова

Стихом огонь случайный укротить:
Тяжелым, медленным, как поступь, ритмом...
Коленями – на каменные плиты,
Стихи – твой монастырь, твоя молитва –
О лишнем не дозволено просить.

Путь отречения не бывает прост:
К нему приходишь, если просишь много...
На каменные плиты – у порога!
И даль стиха – терновая дорога,
Где холодно от снега вечных звёзд.

Выпуск № 786

Марина Цветаева

из цикла «Ученик»

Быть мальчиком твоим светлоголовым,
– О, через все века! –
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем – плащ.

Победоноснее Царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне – не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ – а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остёр!)
И – вдохновенно улыбнувшись – первым
Взойти на твой костёр.

1921

Лариса Патракова

Меня в твоих стихах не отыскать?
Как майская крапива вдоль забора,
Взошла, расту – не опускаю взора:
Корнями в стол твой и твою тетрадь.

На ровном поле самопустоты
Я тот озноб, что жизнью был и будет,
Всё, чем богат, не замечаешь ты:
Я горький хлеб твоих голодных буден.

И собственному слову вопреки
Моей музыке ты всегда покорен:
Взошла, расту и ни о чём не спорю,
И мной они живут – твои стихи!

Выпуск № 926

Анна Ахматова

Надпись на книге

М. Лозинскому

Почти от залетейской тени
В тот час, как рушатся миры,
Примите этот дар весенний

В ответ на лучшие дары.
Чтоб та, над временами года,
Несокрушима и верна,
Души высокая свобода,
Что дружбою наречена, –
Мне улыбнулась так же кротко,
Как тридцать лет тому назад...
И сада Летнего решётка,
И оснеженный Ленинград
Возникли, словно в книге этой
Из мглы магических зеркал,
И над задумчивою Летой
Тростник оживший зазвучал.

1940

Лариса Патракова

«Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас».

Н. Гумилёв

До слова, до бессмертья, до начала
Молчание дымилось на устах,
Я пред тобою как сестра чиста:
Я никогда так ясно не звучала.

Столетье пронесла бесценный груз
Тебе назначенного целованья,
И не было другой, священной дани,
Которой был достоин наш союз.

Молчания остался краткий миг,
А дальше всё должно осуществиться,
Но парк Тригорский всё звучит и длится:
Не стать бы мне одной из этих лип!

А кто кого из нас от смерти спас –
Нам не дано узнать: мы не готовы...
Я или ты – кто принял за оковы
Мечты, связующие нас?

Выпуск № 197

Лариса Патракова

Какое слово мне не угадать,
Какое слово знала и забыла?
Молчать – солгать, и не молчать – солгать...
В мою ли душу будут подавать –
Ведь я её просить не научила!

Смирить гордыню – как весной реке
Хватает силы принимать в подарок
Глоток воды – не больше в ручейке –
И для души есть соразмерность дара.

Попробуй в гору ношу донести,
Себе не помогая словом страстным...
Оно меня захочет ли спасти?
Мне и назад уже не добрести,
И сбросить ношу я теперь не властна.

Александр Блок

Зову тебя в дыму пожара,
В тревоге, в страсти и в пути.
Ты – чудодейственная кара,
К земле грозящая сойти.

Но в этом сумраке бездумном,
В отдохновительные дни –
Я полон мыслью о бесшумном,
И сердце прячется в тени.

О, пробуди на подвиг ратный,
Тревогой бранной напои!
Восторг живой и благодатный –
Бряцанья звонкие твои!

В суровом дуновеньи брани
Воспряну, вскрикну и пойму
Мечты, плывущие в тумане,
Черты, сквозящие в дыму!

1902

Николай Гумилёв

Молитва мастеров

Я помню древнюю молитву мастеров:
Храни нас, Господи, от тех учеников,

Которые хотят, чтоб наш убогий гений
Кощунственно искал всё новых откровений.

Нам может нравиться прямой и честный враг,
Но эти каждый наш выслеживают шаг.

Их радует, что мы в борении, покуда
Пётр отрекается и предаёт Иуда.

Лишь небу ведомы пределы наших сил,
Потомством взвесится, кто сколько утаил.

Что создадим мы впредь, на это власть Господня,
Но что мы создали, то с нами посегодня.

Всем оскорбителям мы говорим привет,
Превозносителям мы отвечаем – нет!

Упрёки льстивые и гул молвы хвалебный
Равно для творческой святыни непотребны.

Вам стыдно мастера дурманить беленой,
Как карфагенского слона перед войной.

1921

Выпуск № 618

Николай Языков

Сомнение

Когда зовут меня поэтом
Уста ровесницы харит
И соблазнительным приветом
Она мечты мои живит;
Когда душе моей опасен
Любви могущественный жар, –
Я молчалив, я не согласен,

Я берегу небесный дар...
Избранник бога песнопенья,
Надменно чувствуя, кто я,
Означу ль светом вдохновенья
Простую жажду наслажденья,
Безумный навик бытия?
Сей мир поэзии обычной –
Он тесен славе: мир иной,
Свободный, светлый, безграничный,
Как рай, лежит передо мной!

1826

Александр Блок

К ногам презренного кумира
Слагать божественные сны
И прославлять обитель мира
В чаду убийства и войны,

Вперяясь в сумрак ночи хладной,
В нём прозревать огонь и свет, –
Вот жребий странный, беспощадный
Твой, Божьей милостью поэт!

1900

Арсений Тарковский

Рукопись

А. А. Ахматовой

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.

Так блудный сын срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог

Благословляет и клянёт пророк,
На ангелов ходивший в одиночку.

Я тот, кто жил во времена мои,
Но не был мной. Я младший из семьи
Людей и птиц, я пел со всеми вместе

И не покину пиршества живых –
Прямой гербовник их семейной чести,
Прямой словарь их связей корневых.

1960

Выпуск № 1287

Лариса Патракова

Долиной плача проходя однажды,
Я умирала от вселенской жажды,
Но не было вокруг живой воды:
Под этим плачем не подняться птице...
Мои окаменевшие следы
За мной тянулись чёрной вереницей.

Едва прошла долину напрямик,
Как тот же путь обратно был назначен...
Теперь бы только жажду сохранить –
Теперь мой каждый след пробьёт родник,
И журавлей серебряная нить
Прощёт надеждой чёрный голос плача...

Зинаида Миркина

Великих мук да не отринет
Душа в своём земном пути!
Через бесплодную Пустыню
Мне надо медленно пройти.

Сквозь смерть идущая дорога.
Сквозь мрак, в который не проник

Луч не один. Здесь нету Бога.
Кому же мне послать свой крик?!

Да, никому. Здесь всё сгорело –
Край чёрных выжженных пустот.
Предел всему. Здесь – все пределы.
А Бог в пределах не живёт.

Он – беспредельность. Божья воля
Порочный размыкает круг.
Она велит быть больше боли,
Перерастить пределы мук.

И надо тихо, шаг за шагом
Идти по вязкому песку,
Напитанную ядом влагу
Вбирать по капле, по глотку,

Исчерпывающая смерть... Смерть сгинет –
Она в предел заключена.
Но прежде – перейди Пустыню
И чашу всю испей до дна.

2001

Выпуск № 835

Ирина Ратушинская

Блажен Василий петушиным храмом,
Блажен солдат берёзовым крестом,
Блаженны дети маком и мечтами,
А дураки – исчерканным листом.
Сегодня снова голубиный вечер,
И дышит снег наивно и легко.
Как хорошо б лишиться дара речи
И пить зимы парное молоко!
И видеть свет – младенчески блаженно!
Но бьёт глагол в гортани, но в тисках –
Дыханье, но в пылу самосожженья
Обуглен рот, и пепел на висках.
Обломки строк – мучительнее бритвы,
Истерзан лист на тысячи ладов...

И только бессловесная молитва
Уймёт смятенье, как на лоб – ладонь.

1983

Лариса Патракова

*Александрe Галановой,
Реональдy Афанасьевy –
моим родителям*

Многоголосье жаркое похвал,
Хула до неба и молчанье трубы –
Как с гор в долину сброшенный обвал,
Как окрик в ночь, что не тебя позвал:
Душа от этого идёт на убыль.

Не лучше ли наедине с судьбой
Держать в руках дарованную чашу
И пригубить напиток неземной...
Когда стоишь у Бога за спиной,
Забвеньe и бесславие не страшно.

1972

Выпуск № 797

Анна Ахматова

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещенье – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку

Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в тёплом море,
Её одежда странной мне казалась,
Ещё страннее – губы, а слова –
Как звёзды падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело,
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поёт о вечере разлук.
Но слов её я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Её глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного, молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?..»
И только раз, когда я виноград
В плетёную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распутивши косы,
И томною была и утомлённой
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты, –
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душной,
Как к милому, когда поёт любовь.

1913

Марина Цветаева

из цикла «Ученик»

Есть некий час...
Гютчев

Есть некий час – как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружие
К ногам указанного нам – Перстом,
Мы пурпур Воина на мех верблюжий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас – как Голос
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда как спелый колос
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час весёлый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Ещё в земной утробе
Мной вожденное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, – ещё заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты – одиночества верховный час!

1921

Выпуск № 901

Марина Цветаева

из цикла «Бессонница»

Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук

Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.

Крик разлук и встреч –
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем дому
Завелось такое.

Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнём!

1916

Иннокентий Анненский

Зимние лилии

Зимней ночи путь так долог,
Зимней ночью мне не спится:
Из углов и с книжных полок
Сквозь её тяжелый полог
Сумрак розовый струится.

Серебристые фиалы
Опрокинув в воздух сонный,
Льют лилеи небывалый
Мне напиток благовонный, –

И из кубка их живого
В поэтической оправе
Рад я сладостной отраве
Напряженья мозгового...

В белой чаше тают звенья
Из цепей воспоминанья,
И от яду на мгновенье
Знаньем кажется незнанье.

Даниил Андреев

Александр Коваленскому

Незабвенный, родной! Не случайно
Год за годом в квартире двойной
Твоей комнаты светлая тайна
За моей расцвела стеной!
И уж воля моя не боролась,
Если плавным ночным серебром
Фисгармонии бархатный голос
Рокотал за расшитым ковром.

Что пропели духовные реки
Сквозь твоё созерцанье и стих –
Да пребудет навеки, навеки
Неразгаданным кладом троих.
И какая – враждующих душ бы
Ни разъяла потом быстрина, –
Тонкий хлад нашей девственной дружбы
Всё доносится сквозь времена!

И промчались безумные годы,
Обольстив, сокрушив, разметав,
Заклучив под тюремные своды
И достойных, и тех, кто не прав.
Где же встреча? когда? меж развалин?
У подъёма ль на форум врага?
Будет снова ль хоть миг беспечален,
А беседа – светла и строга?

Иль наш хрупкий цветок похоронят
Груды брошенных роком лавин,
И верховную правду заслонит
Список терпких ошибок и вин?

Иль, быть может, в пучинах кочуя,
Древней плоти уже не влача,
Близость друга бывшего почую
В приближеньи живого луча?
Всё мертво. Ни вестей, ни ответа.
Но за младость, за нашу зарю,
За высокую дружбу поэта
В горькой зрелости благодарю.

1950

Выпуск № 888

Владимир Набоков

На смерть А. Блока

I

За туманами плыли туманы,
за луной расцветала луна...
Воспевал он лазурные страны,
где поёт неземная весна.

И в туманах Прекрасная Дама
проплывала, звала вдалеке,
словно звон отдалённого храма,
словно лунная зыбь на реке.

Узнавал он её в трепетанье
розоватых вечерних теней
и в метелях, смятенье, молчанье
чародейной отчизны своей.

Он любил её гордо и нежно,
к ней тянулся он, строен и строг, —
но ладони её белоснежной
бледный рыцарь коснуться не мог...

Слишком сумрачна, слишком коварна
одичалая стала земля,
и, склонившись на щит лучезарный,
оглянул он пустые поля.

И обманут мечтой несказанной
и холодною мглой окружен,
он растаял, как месяц туманный,
как далёкий молитвенный звон.

II

Пушкин – радуга по всей земле,
Лермонтов – путь млечный над горами,
Тютчев – ключ, струящийся во мгле,
Фет – румяный луч во храме.

Все они, уплывшие от нас
в рай, благоухающий широко,
собрались, чтоб встретить в должный час
душу Александра Блока.

Выйдет он из спутанных цветов,
из ладьи, на белые ступени...
Подойдут божественных певцов
взволновавшие тени.

Пушкин – выпуклый и пышный свет,
Лермонтов – в венке из звёзд прекрасных,
Тютчев – веющий росой, и Фет,
в ризе тонкой, в розах красных.

Подойдут с приветствием к нему,
возликуют, брата принимая
в мягкую цветную полутьму
вечно дышащего мая.

И войдёт таинственный их брат,
перешедший вьюги и трясины,
в те сады, где в зелени стоят
Серафимы, как павлины.

Сядет он в тени ветвей живых,
в трепетно-лазоревых одеждах,
запоёт о сбывшихся святых
сновиденьях и надеждах.

И о солнце Пушкин запоёт,
Лермонтов – о звёздах над горами,
Тютчев – о сверканьи звонких вод,
Фет – о розах в вечном храме.

И среди них прославит жданный друг
ширь весны нездешней, безмятежной,
и такой прольётся свет вокруг,
будут петь они так нежно,

так безмерно нежно, что и мы,
в эти годы горестей и гнева,
может быть, услышим из тюрьмы
отзвук тайный их напева.

Марина Цветаева

из цикла «Стихи к Блоку»

Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!
Было так ясно на лице его:
Царство моё не от мира сего.

Вещие вьюги кружили вдоль жил, –
Плечи сутулыегнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!

Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!

Зори пьёт, море пьёт – в полную сыть
Бражничают. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!

Так, Господи! И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.

Не скаредника ржавый ларь –
Гранит, коленами протёртый.
Всем отданы герой и царь,
Всем – праведник – певец – и мёртвый.

Днепром разламывая лёд,
Гробовым не смущаясь тёсом,
Русь – Пасхою к тебе плывёт,
Разливом тысячеголосым.

Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который? –
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.

Выпуск № 1400

Николай Гумилёв

Тот, другой

Я жду, исполненный укором, –
Но не весёлую жену
Для задушевных разговоров
О том, что было в старину.

И не любовницу: мне скучен
Прерывный шёпот, томный взгляд,
И к упоеньям я приучен,
И к мукам горше во сто крат.

Я жду товарища, от Бога
В веках дарованного мне
За то, что я томился много
По вышине и тишине.

И как преступен он, суровый,
Коль вечность променял на час,
Принявши дерзко за оковы
Мечты, связующие нас.

1912

Александр Пушкин

И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

Михаил Лермонтов

Памяти А. И. Одоевского

1

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнания
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унёс летучий рой
Ещё незрелых, тёмных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

2

Он был рождён для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный –
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил – и Бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных
В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

3

Но он погиб далёко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землёй чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твёрдостью. Таинственная дума
Ещё блуждала на челе твоём,

Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

4

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы – всё исчезло без следов,
Как лёгкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит;
Куда они? зачем? откуда? – кто их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребёнка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда?.. Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи –

6

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ её объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,

Расскажам волн кочующих внимая,
А море Чёрное шумит не умолкая.

1839

Выпуск № 805

Александр Блок

Часто в мысли гармония спит
И не льётся словесной волною.
И молчанье бесцельно таит
Непонятный упрёк над собою.

Только чувствовать, верить, узрев,
Но сказать, – не услышишь ответа...
Точно песня, весь мир облетев,
Возвратилась, ничем не согрета.

1901

Николай Гумилёв

Иногда я бываю печален,
Я забытый, покинутый бог,
Созидающий, в груди развалин
Старых храмов, грядущий чертог.

Трудно храмы воздвигнуть из пепла,
И бескровные шепчут уста,
Не навек ли сгорела, ослепла
Вековая, Святая Мечта.

И тогда надо мною, неясно,
Где-то там в высоте голубой,
Чей-то голос порывисто-страстный
Говорит о борьбе мировой.

«Брат усталый и бледный, трудися!
Принеси себя в жертву земле,
Если хочешь, чтоб горные выси
Загорелись в полуночной мгле.

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В своё мощное сердце возьми.

Жертвой будь голубой, предрассветной...
В тёмных безднах беззвучно сгори...
...И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари».

1905

Даниил Андреев

Я не отверг гонца метельного,
Не обогнул духовных круч я,
Глухой водой благополучья
Не разбавлял вина в ковше!
Дыханью шторма запредельного,
Напевам космоса – не ставил
Плотин запретов, норм и правил
Ни в жизни быстрой, ни в душе.

Узнал я грозные мгновения,
Крутую полночь в жизни сердца,
Когда чуть видимая дверца
Вдруг распахнётся как врата,
И мир неслыханного Гения
Ворвётся, плача и бушующая,
И станет прежний бог – ошуюю,
А одесную – полночь та.

Тайник, где бодрствуют праобразы
В глубиннейших слоях монады,
Где блещущие водопады
Кипят, невнятные уму, –
Вдруг разорвёт стальные обручи,
Расторгнет древние засовы,
И мир бездонный, странный, новый
Предстанет зренью твоему.

В меня всей мощью многопенною,
Всей широтой бурлящей литвы

Он хлынул в ночь последней битвы
На смутном невском берегу.
Но многослойную вселенную,
Разверзшуюся над Россией,
С какой сравню иерархией?
В каких октавах сберегу?

Как рассучу на нити времени
Ткань целокупного виденья?
В многовековом становленьи
Какие отличу дела?
Как покажу средь адской темени
Взлёт исполинских коромысел
В руке, не знавшей наших чисел,
Ни нашего добра и зла?

Нет, то – не фраза, не риторика,
Не схоластические догмы;
У неисхоженных дорог мы
Стоим в неповторимый век,
И скрытый труд метаисторика
Язык нащупывает новый,
Принять в русло своё готовый
Живые струи новых рек.

Рассудка плотного инерция
Ещё толкает мысль по тропам,
Где медленно влекутся скопом
Кто лишь для прописей готов.
То, что ловлю в народном сердце я,
Теперь поймут лишь братья в Духе,
Но завтра лязгнет ключ разрухи
В заржавленном замке умов.

Речь нашей эры не изваяна
Для этих тёмных предварений;
Ещё века, покуда гений
Свершит последний взмах резца.
Что ж: ограничиться окраиной?
Словесной зыби остеречься?
В смиренной низости отречься
От долга первого гонца?

Но давит душу тьма подпольная,
Гнетёт невысказанный опыт,

В ушах гудит нездешний топот,
Не наш буран, не наша тишь...
Пусть не вмещают ритмы дальние
Тех сфер блистанье и величье:
Прости моё косноязычье
И отзвук правды в нём услышь.

1949-1952

Выпуск № 43

Афанасий Фет

Смерти

Я в жизни обмирал и чувство это знаю,
Где мукам всем конец и сладок томный хмель;
Вот почему я вас без страха ожидаю,
Ночь безрассветная и вечная постель!

Пусть головы моей рука твоя коснётся
И ты сотрёшь меня со списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьётся,
Мы силы равные, и торжествую я.

Ещё ты каждый миг моей покорна воле,
Ты тень у ног моих, безличный призрак ты;
Покуда я дышу – ты мысль моя, не боле,
Игрушка шаткая тоскующей мечты.

1884

Максимилиан Волошин

Подмастерье

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижеет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, –
Ты будешь подмастерьем

Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, –
Ты будешь
Ковалом и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают – безвыходность, необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притёрты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпением,
Становится лирической строфой, –
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа – единый путь:
Ограничение себя.
Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли,
И от воли – для отрешенности сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь погасить –
Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо –
Живою кровью принесённых жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания,
Чтоб испытать сыновность и сиротство
И немому отверженной земли.

Душа твоя пройдёт сквозь пытку и крещение
Страстную влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зеркалах земных вод.
Твоё сознание будет
Потеряно в лесу противочувств,
Средь чёрных пламеней, среди пожарищ мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явления –
Знаки,
По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймёшь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах –
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имён,
Пришедший изназвать
Всех духов – узников, увязших в веществе,
Когда поймёшь, что человек рождён,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

1917